
МЕТОДИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 911.373.2

Егоров Д.О. (Казань), Шурупина В.С. (Мюнхен)

СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ РОССИИ: ТИПОЛОГИЯ ТЕРРИТОРИЙ ПО ЛЮДНОСТИ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Egorov D.O., Shurupina V.S.

RURAL SETTLEMENT SYSTEM OF RUSSIA: TYPOLOGY OF TERRITORIES BY RURAL SETTLEMENTS POPULATION

***Аннотация.** В статье представлены современные типы расселения населения сельской местности России. Рассмотрены ранее выполненные работы по районированию и типизации сельских населенных пунктов (СНП). Актуальность нового районирования была продемонстрирована при анализе данных переписей населения, показавших сильную депопуляцию сельской местности России и, как следствие, трансформацию в структуре соотношений СНП различной людности, а также региональную дифференциацию этих процессов. В качестве ключевого показателя выделения типов была принята средняя людность СНП, уточняющими показателями служили плотность СНП на единицу площади и форма расселения (конфигурация в пространстве сельских пунктов). Районирование производилось по данным муниципальных районов, а не по агрегированным показателям субъектов, что позволило учесть внутрорегиональные различия при проведении границ. В итоге было выделено 12 типов сельского расселения, из них 11 зональных и 1 тип азональный пригородных зон.*

***Abstract.** The article presents modern types of settlement patterns in the countryside of Russia. Considered previously performed work on zoning and typing of rural settlements. The relevance to regionalize the new rural settlement patterns was demonstrated by the data analysis of the population census, showing a strong depopulation of Russia's rural areas and, as a result, the structure transformation of the different population ratios and a regional differentiation of these processes. As a key indicator of type identification, the average population of rural settlements was calculated, and the rural settlement density per unit area and the form of population distribution (the configuration of rural settlements in the space) served as the specifying indicators. The zoning was implemented according to the data of the municipal districts, but not to the aggregated indicators of the subjects, that allowed to consider the intra-regional differences. As a result, 12 pattern types were identified, including 11 zonal and 1 type of azonal suburban zones.*

***Ключевые слова:** сельская местность, населенный пункт, урбанизация, депопуляция населения, сельское расселение, типология сельского расселения, пригород, картографирование расселения.*

***Key words:** rural area, settlement urbanization, depopulation, settlement patterns, typology of rural settlement, suburbs, mapping of settlement patterns.*

Введение и постановка проблемы. Понятие «расселение» как фактическая картина географического распределения населения по территории является одним из важнейших объектов исследования в отечественной географии. Ключевым термином, используемым при изучении расселения, является «система расселения» (СР), однако он по-разному интерпретируется в работах исследователей. Наиболее точное и общепризнанное определение, на взгляд автора, дает

Э.Б. Алаев, понимающий под СР группу территориально сближенных и функционально связанных населенных пунктов [2]. Именно на это определение призывает обратить внимание А.А. Ткаченко, обращаясь к специалистам, которые порой увязывают СР к форме расселения определенной территории [25].

Представляемая работа концентрирует внимание на теме сельского расселения и его типологии. Сельские поселения в силу обширных занимаемых ими обжитых про-

странств в России различаются между собой по многим признакам, поэтому для целей типологии наиболее корректно будет выявить несколько показателей, которые будут дополнять друг друга. К тому же возможности современных технологий позволяют обрабатывать большое количество данных и сопоставлять их.

Исследования отечественных географов, которые были рассмотрены, охватывали в основном Европейскую часть России. Типологии же сельского расселения всей территории РФ, учитывающей внутрирегиональную дифференциацию показателей сельского расселения, не производилось. Эти факторы вызывают потребность в новом анализе дробного районирования сельского расселения. Исследование, произведенное С.А. Ковалевым, является последним по дробному районированию системы расселения сельской местности РФ, и с момента его проведения прошло уже более 30 лет. Все последующие попытки произвести районирование для постсоветской России были предприняты на основе агрегированных статистических данных по субъектам страны. Однако, как отмечал целый ряд авторов, типология сельского расселения в разрезе регионов не вполне корректна, так как в больших и даже средних по размерам территории субъектах существуют разные типы расселения, обусловленные природными, историко-этническими и хозяйственными особенностями. Авторы статьи ставят задачу проследить направления и интенсивность проходивших изменений в структуре распределения СНП различной плотности и на основе муниципальной статистики произвести типологию расселения.

Обзор ранее выполненных исследований. Принцип оригинальной модели-схемы по типологии расселения сельской местности для территории России (и для всего Советского Союза) был разработан в начале 1960-х гг. С.А. Ковалевым [15, с. 153–182]. Позднее на основе учета результатов переписи населения 1970-го года им были выделены 8 основных, преимущественно зональных, типов сельского расселения [14], которые были приурочены к природным зонам и функциональным (хозяйственным) характеристикам занятости местного сельского населения. К тому же важным фактором райо-

нирования расселения выступала форма расселения (расположение СНП на местности), в итоге выделялся район (например, тип II «Очаговое расселение в северных частях лесной зоны, сельскохозяйственное и промышленное, местами – лесопромышленное»). В описании каждого типа расселения указывалось преобладающее количество СНП с определенной плотностью (мелкие, крупные, крупнейшие и др.), которая также указывала (косвенно) на производственные функции поселения, форму расселения и его историю. Однако этот показатель не был главенствующим фактором в данном районировании при выделении типов. Только учет всех этих показателей в совокупности позволил создать фундаментальный на тот момент (некоторые полученные результаты актуальны и по сей день) комплексный труд по пространственным характеристикам размещения и функционирования сельской местности.

Позднее С.А. Ковалев продолжил исследования расселения сельской местности. В середине 1980-х гг. под его руководством была выполнена работа, целью которой было районирование сельской местности по условиям для территориальной организации отраслей обслуживания сельского населения для территории РСФСР [16]. В частности, в отличие от предыдущего районирования [14] было выделено два типа расселения в степной зоне, и граница между ними была проведена не по Уралу (как обычно), а по Волге, и эта граница оказалась гораздо более контрастной [16]. Всего было выделено 11 типов сельской местности и ряд подтипов (в т.ч. впервые был выделен азональный тип: сельские территории в составе крупных городских агломераций). За основные критерии выделения упомянутых 11 типов были взяты система расселения (плотность СНП и форма расселения), плотность и доступность сельских районов.

После исследований С.А. Ковалева попытки произвести типологию расселения сельской местности была произведена Д.Н. Лухмановым и Т.Г. Нефедовой в монографии [9, с. 254], где типология производилась по показателям плотности сельского населения, плотности СНП и – что особенно интересно для вопросов районирования расселения – средней плотности СНП России по данным переписи населения 1989 г. Озна-

ченная серия карт отображает данные более детально, т.е. в разрезе муниципальных районов, однако следует подчеркнуть, что в исследовании была охвачена территория лишь Европейской части. Выше названная работа призвана показать скорее общие закономерности и зональность изменчивости показателей сельского расселения (без выделения определенных районов или типов расселения), т.е. носит оценочный характер.

В 2006 г. Е.А. Чернышевой была составлена карта для Европейской части России, на которую были нанесен каждый 20-й сельский населенный пункт (из около 100 тыс. СНП) в своей категории людности [13]. Эта работа стала новаторской в серии попыток по современному районированию сельского расселения, а именно показала распределение по территории СНП различной людности. В монографии Т.Г. Нефедовой [19, с. 169] была представлена картосхема плотности сельского населения по внутрирегиональным муниципальным районам Европейской России по данным переписи 2002 г. Чуть позднее, уже по данным переписи 2010 г., в своей статье Н.В. Зубаревич [12] выделила шесть типов регионов по характеру сельского расселения на основе показателей средней людности; районирование производилось по границам субъектов РФ. В статье А.И. Алексеева [3] также была произведена типология сельской местности по агрегированным статистическим показателям по субъектам РФ (по значениям плотности сельского населения, густоте СНП и доле сельских жителей, проживающих в СНП с населением более 1 тыс. чел.). Третий том Национального атласа России «Население и экономика» содержит лишь карту плотности сельского населения и карту функциональных типов расселения [18, с. 60–64].

Ряд исследований был посвящен изменениям в региональных системах сельского расселения. Учет местных особенностей при протекании данных процессов необходимо использовать для уточнения при интегральном районировании.

Для работ, посвященных субъектам Нечерноземья, выделим 2 научные школы районирования (в т.ч. сельского районирования): Тверская и Псковская школы, связанные с научной деятельностью А.А. Ткаченко и его учеников, и А.Г. Манакова соответственно. Общими направлениями изучения

и последующими полученными выводами служат установленные положения об интенсивном сокращении сельского населения и населенных пунктов в субъектах с 1960-х гг. и пиком убыли после 1990-х гг. Так, Псковская область в 1960–1970-е гг. характеризовалась бурным развитием промышленности, вследствие чего сельское население интенсивно перемещалось в города. Вместе с тем население переезжало в другие регионы страны (в г. Ленинград, Ленинградскую область, республики Прибалтики и др.). В первой половине 1990-х гг., сразу после распада СССР, вновь стал расти миграционный отток населения. В анализируемый период (1959–2010 гг.) ускорились процессы поляризации сельского населения внутри региона, т.е. его концентрации вокруг региональных центров г. Пскова и г. Великие Луки; в структурном плане увеличивалось количество СНП с людностью до 6 чел. до 31,1%, а стабильными оставались только пункты с численностью населения более 200 чел. [11, 17].

К выделению похожих закономерностей пришли и другие исследователи в регионах Европейской части России: в Новгородской области [34]; на примере Степурицкого сельского поселения Старицкого района Тверской области [33]; демонстрацией центр-периферийных особенностей размещения населения его нарастанием в Белгородской области [37]; а по территории Нижегородской области авторами были выделены и разноплановые типы трансформации расселения [7].

Большой интерес представляют работы, выполненные для территорий со сложной мозаикой расселения в силу особенностей природных условий и факторов, таких как Республика Якутия. Исторически система расселения Якутии носила очаговый характер и имела низкую плотность населения. Современный каркас поселенческой сети сложился преимущественно в советский период: во время подъема сельского хозяйства сельской местности начали возникать постоянные населенные места. Появились центральные усадьбы колхозов (с начала 1960-х гг. – совхозов), в последующем – центры отделений и бригад, т.е. появилось внутрихозяйственное расселение [20]. В 1960–1970-е гг. было осуществлено принудительное укрупнение колхозов, причём плановое управление имело как правило универсальный характер и не учитывало особенности и

традиции территорий. Это была первая волна трансформации расселения республики в направлении усиления концентрации сельского населения [8]. После 1990-х гг. резко стало сокращаться население в сельских поселениях из-за механической и естественной убыли. Были выражены территориальные особенности, заключающиеся в наиболее интенсивной потере населения и населенных пунктов в северных, восточных и южных частях субъекта в связи со свертыванием промышленной добычи золота и угля [22, 30, 31]. Устойчивость сохранили села и поселки центральной части, Вилюйского бассейна и Лено-Амгинского междуречья Якутии [21, 29], где преобладает якутское население, которое занимается традиционным хозяйством. Это во многом и определило разнородную по плотности и форме картину расселения Якутии в начале XXI в.

В исследованиях, выполненных по Волго-Уральской территории – Саратовской и Оренбургской областям [24, 28, 36], отмечается, что, хотя сельское пространство с 1990-х гг. депопулировало не так интенсивно, как в Нечерноземье, но также имеются примеры сокращения в 1,5–2 раза в районах максимальной удаленности от крупных городов.

Наиболее сложное расселение представлено на территории Северного Кавказа. Большой вклад в рассмотрение процессов изменения и становления картины расселения с учетом природных условий, а в частности высотной поясности, внесли П.П. Турун и И.В. Чернова [26, 27]; отдельными исследователями изучались особенности расселения в пределах Республик Дагестан и Северная Осетия – Алания [5, 6, 10, 38], где наибольший отток горного населения происходил в 1959–2010 гг. наряду с Республикой Адыгея и отчасти Карачаево-Черкесией. Достаточно интенсивно убывало население в высокогорных районах Дагестана, была отчетливо видна разница по сравнению с равнинными районами. В 1959–2010 гг. самые высокие показатели прироста сельского населения наблюдались в пределах высот до 200 м (Республика Адыгея, Северная Осетия, Дагестан) и 200–500 м (Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия). Наиболее благоприятная обстановка сложилась в Кабардино-Балкарии – очаги убыли были незначительными, и даже на самых высокогорных территориях наблюдался прирост сельского населения. Если на

территории Северной Осетии–Алании процесс «сползания» сельского населения с гор отмечался уже на этапе 1959–1970 гг., то в Дагестане и Карачаево-Черкесии проявляется с 1970-х гг. [35].

Методология и методы исследования.

Статистической базой для выполнения работы послужили данные переписи 2010 г. по всем 1 829 муниципальным районам РФ (в расчет брались также показатели из некоторых городских округов, в которые были включены СНП, например, в Ненецком АО), для которых собирались следующие данные: численность сельского населения, количество СНП, количество СНП без населения, а также площадь муниципальных районов (км²). Также в работе были использованы материалы свободных веб-картографических сервисов, где были отобраны пространственные данные, необходимые непосредственно для визуализации размещения сельских пунктов на карте. Так, исходными материалами здесь послужила карта со всеми СНП России по данным 2010 г.

Для проведения исследования по детальному районированию системы сельского расселения был выработан следующий алгоритм:

- сбор и систематизация отобранных исходных данных по населению в разрезе муниципальных районов РФ. Итогом выполнения первого пункта алгоритма явилось создание пространственной базы данных (БД);
- следующим шагом стала работа с исходными данными: для проведения районирования для каждого муниципального района были рассчитаны показатели средней плотности СНП (без учета пунктов без населения) и плотности СНП (количество пунктов на 100 км²);
- создание, интеграция и картографирование данных с помощью ArcMap-основного приложения программного продукта ArcGIS. Были внесены полученные рассчитанные пространственные данные.

После проводился процесс типологии и выделения районов, ключевым был выбран показатель средней плотности населенных пунктов.

Для визуализации форм расселения на карте была произведена выборка и отображение СНП относительно их пространственного

распределения (густоты СНП), операция была произведена с использованием инструментов выборки ArcMap, позволившая отобразить каждый 35-й сельский пункт на карте по методике Т.Е. Самсонова [23]. Авторам необходимо было произвести отбор объектов с учетом географического рисунка их размещения. В малозаселенных районах должны были сохраниться даже незначительные по статусу пункты, в густонаселенных, наоборот, должен был быть произведен интенсивный отбор с сохранением наиболее значимых объектов. Одновременно с этим должны были быть сохранены и переданы территориальные контрасты. Отбор точек производился с учетом их пространственного распределения с районированием территории на 5 классов густоты. Обоснование выбора именно каждого 35-го пункта обосновывалось путем построения картограммы условной графической нагрузки. Также дополнительно форма расселения определялась авторами по крупномасштабным региональным картам и по Национальному атласу России [18, с. 60–64].

Полученные результаты. Современное сельское расселение. Начиная с 1960-х гг. сельская местность России сильно депопулирует по причинам завершения демографического перехода и как следствие снижения естественного прироста, а также возросшего миграционного оттока в города (особенно в период активного промышленного роста 50-х и 60-х гг. XX в.). Так за период 1970–2010 гг. (данные переписей населения) численность сельского населения сократилась на 24% (табл. 1). Как можно заметить, наиболее интенсивно сельская местность в этот период «теряла» население за промежуток 1970–1979/1989 гг., а в российский период менялась незначительно, была относительно стабильна. Однако реальные депопуляционные изменения в российский период были «сглажены» проведенной административной реформой, в результате которой 725 поселков городского типа (ПГТ) были преобразованы в статус СНП. Таким образом, более 2,4 млн чел. в рамках статистики перешли из городских жителей в сельских, не меняя при этом места своего жительства. После рассмотрения территориальных особенностей депопуляции сельского населения по данным переписей был выявлен ряд трендов:

- за рассмотренный советский период (1989 г. к 1970 г.) сельское население убывало практически по всей территории Европейской части России и Урала, наиболее интенсивно – в субъектах Нечерноземья и Черноземья (35–40%), в меньшей степени в Поволжье (20–35%). Исключение составляли субъекты Северного Кавказа и Дальнего Востока, которые демонстрировали или сохранение численности, или незначительный прирост (до 5%);
- в российский период (2010 г. к 1989 г.) сельское население сокращалось статистически незначительно, около 4% по стране. Но если вынести из расчета административную реформу, то отрицательная динамика была в более чем 75 субъектах (особенно на севере Нечерноземья). Также начал терять свое сельское население Дальний Восток, в хозяйственном развитии которого государство потеряло интерес в 1990-е гг. К тому же здесь на направленность переселения сельчан в города своего субъекта накладывался «западный дрейф». По-прежнему лишь республики Северного Кавказа демонстрировали стабильность и незначительный прирост (5–7%) сельского населения.

Сокращение численности сельского населения вызвало сокращение общего количества СНП на 29%. Особенно интенсивно сокращалось их количество в период 1970–1989 гг. (за российский период статистика была подкорректирована административной прибавкой СНП). Соответственно, изменения произошли и в соотношении СНП различной людности (табл. 2), и в распределении населения в них (табл. 1).

Общие тенденции за период 1970–2010 гг.:

- стабильность и/или небольшой рост доли крупных и крупнейших СНП, соответственно;
- доля мелких, средних и средне-крупноселенных СНП непрерывно сокращалась, происходило «спускание» в более мелкие по людности категории;
- увеличивалась доля мельчайших СНП и СНП без населения, так доля населенных пунктов с людностью до 50 чел.

Таблица 1

Динамика общей численности и доли сельского населения России, проживающей в СНП различной людности

Показатель	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Численность сельского населения, доля к 1970 г.	1	0,86	0,80	0,80	0,76
Доля сельского населения, проживающего в СНП с разной людностью (в %)	100	100	100	100	100
до 6 чел. (включая СНП без населения)	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2
6–50 чел.	3,8	3,6	3,3	2,8	2,5
51–200 чел.	15,1	12,7	10,0	8,7	8,4
201–500 чел.	22,4	20,3	18,2	17,1	16,1
501–1000 чел.	20,9	20,6	20,7	19,5	18,1
1001–3000 чел.	24,3	26,2	27,7	25,8	25,2
Свыше 3000 чел.	13,4	16,5	20,1	26,0	29,7

Составлено авторами по данным Российского статистического ежегодника.

Таблица 2

Динамика общего количества СНП и доли СНП различной людности в России

Показатель	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Доля числа СНП к 1970г.	1	0,82	0,71	0,72	0,71
Доля СНП с разной людностью (в%)	100	100	100	100	100
до 6 чел. (в т.ч. СНП без населения)	6,4 (н/д)	6,9 (н/д)	11,1 (н/д)	21,2 (8,4)	27,7 (12,7)
6–50 чел.	34,4	37,4	37,9	33,7	30,3
51–200 чел.	32,3	28,5	23,5	19,8	18,6
201–500 чел.	16,0	15,3	14,5	13,2	12,2
501–1000 чел.	6,8	7,1	7,5	7,0	6,3
1001–3000 чел.	3,5	4,1	4,5	4,1	4,1
Свыше 3000 чел.	0,6	0,8	0,9	1,1	1,2

Составлено авторами по данным Российского статистического ежегодника.

Таблица 3

Коэффициент Джини, подсчитанный по распределению долей населения, проживающих в долях СНП соответствующей людности

Год	1970	1979	1989	2002	2010
Коэффициент Джини	0,60	0,63	0,67	0,71	0,79

в 1970 г. составляла 41%, а в 2010 г. – 58% (в т.ч. 13% без населения);

- в распределении населения – процесс непрерывной поляризации: все большая доля сельских жителей концентрируется в крупных (с населением 1–3 тыс. чел.) и крупнейших СНП (с людностью более 3 тыс. чел.). Так, к 2010 г. доля сельского населения в пунктах данной людности составила 55% (в 1970 г. – 28%). Сокращается доля в мелких и средних СНП.

С целью унификации рассмотрения степени трансформации распределения сельского населения в СНП различной людности был подсчитан коэффициент Джини¹ (табл. 3).

Как можно заметить, с 1970 г. степень неравномерности распределения жителей по СНП различной людности возрастает, что еще раз подтверждает возрастающую концентрацию населения в крупных и крупнейших СНП.

Продемонстрированные процессы трансформации в структуре СНП привнесли и изменения в систему сельского расселения, повлияв на границы, выделяемые специалистами ранее. Современная типология территории России по людности СНП представлена ниже (рис. 1, 2, 3).

I тип – *мельчайшее селенное с густой (плотной) сетью населенных пунктов крупноареального расселения*. Распространен на части Нечерноземья, в субъектах, располо-

¹ Коэффициент Джини представляет собой статистический показатель, в данном примере численно отражающий степень расслоения населения по отношению к выбранному признаку. Измеряется от 0 до 1. Чем ближе его значение к единице, тем более неравномерно распределен показатель, и наоборот.

женных севернее Москвы: центральные районы Калужской, западная часть Смоленской и вся Псковская область, далее восточнее, Тверская и Ярославская области (практически полностью за исключением небольших южных частей, граничащих с Московским регионом); северо-западная часть Костромской и западные районы Вологодской, восточные и южные районы Новгородской областей соответственно; небольшими участками затрагивает также Архангельскую и Ленинградскую область. Это тип расселения с наименьшей людностью СНП во всей России. Исторически эти территории всегда характеризовались небольшой величиной сельских поселений; по мнению С.А. Ковалева, эта черта расселения сложилась в силу особенностей освоения и хозяйственного использования земель. Во многом исторический фактор заселения в совокупности с природно-ландшафтными условиями определил и форму расселения: ареальную / местами крупноареальную, когда крупные ареалы густой сети мельчайших поселений сменяются (преимущественно разделены лесами) более мелкими ареалами таких же поселений. При этом в советский и российский период эти регионы активно теряли свое сельское население, что привело еще к большему измельчанию. Полевые исследования в этих районах, проведенные в 2016 г. К.В. Аверкиевой и А.А. Фомкиной [1, 32], показали, что реального населения еще меньше, чем прописано по месту жительства. Значительное количество сельских пунктов к 2010 г. остались полностью без населения (Псковская и Тверская области по 23%, Ярославская – 26%, самое высокое значение среди субъектов России в Костромской области – 34% от общего количества СНП, соответственно). Характерна незначительная доля крупных и крупнейших СНП для этого типа (в среднем около 3% от общего количества пунктов). При этом отличительной чертой этого типа от других является наивысшая густота СНП (8–10 пунктов на 100 км²).

II тип – *мелкоселенное преимущественно с густой (плотной) сетью СНП*. Распространен в основном на территории Нечерноземья, «окаймляет» тип I; на севере затраги-

вает южную окраину Мурманской области, а на востоке включает в себя Пермский край. Так как в Республике Карелия и Архангельской области сеть СНП разреженная (менее 1 пункта на 100 км²), то северная часть этого типа обособляется в подтип ареального типа расселения ленточной формы – вдоль рек Северная Двина, Онега, Мезень. В ряде районов Вологодской, Псковской и Новгородской областей сохранилась гнездовая² форма расселения. По большей части этот тип сельского расселения находится на территории, находящейся непосредственно южнее типа I, где густая сеть СНП (8–10 пунктов на 100 км²) переходит от ареального расселения к сплошному.

III тип – *среднеселенное преимущественно сплошного расселения*. Этот тип занимают обширное пространство Европейской части и Урала, а также Омскую и почти целиком Новосибирскую область. Здесь населенные пункты распределены менее плотно (2–5 пункта на 100 км²), чем в первом и втором типах. К нему относится большая часть регионов лесостепной и степной зоны. По форме расселения можно выделить подтип, который выделяется разреженностью расселения (менее 1 пункта на 100 км²) на северо-западе Европейской части (Ненецкий АО, Республика Коми и часть Архангельской области) с очаговой и ленточной формой расселения (по р. Печора и ее притокам) и ареального в Свердловской области.

IV тип³ – *среднеселенное с крайне разреженной сетью СНП преимущественно очагового и ленточного расселения*. Это самый большой по территории тип в России на данный момент, но при этом значительные площади этого типа вообще не заселены. Занимает обширную территорию Сибири и Дальнего Востока: восточная часть ХМАО, юго-восточная и северо-восточная части Томской и Кемеровской областей соответственно; также северные части Красноярского края, Иркутской области, Республики Бурятия, Хабаровского края, Сахалинской области, Камчатского края; значительная территория Республики Якутия и весь Чукотский АО. Крайне разреженная сеть очаговых поселений (плотность СНП составляет

² Тип расселения, когда вокруг главного поселения располагались небольшие выселки.

³ На территории этого типа расселения находится Магаданская область, которая за период 1989–2010 гг. потеряла 93% сельского населения. Область имеет крайней степени разрушенную сеть сельских пунктов, за исключением района, граничащего с г. Магадан. Больше половины всех СНП заброшено, а в остальных (около 20) проживает чуть более 3 тыс. чел., в связи с этим автор решил не относить эту территорию к определенному типу.

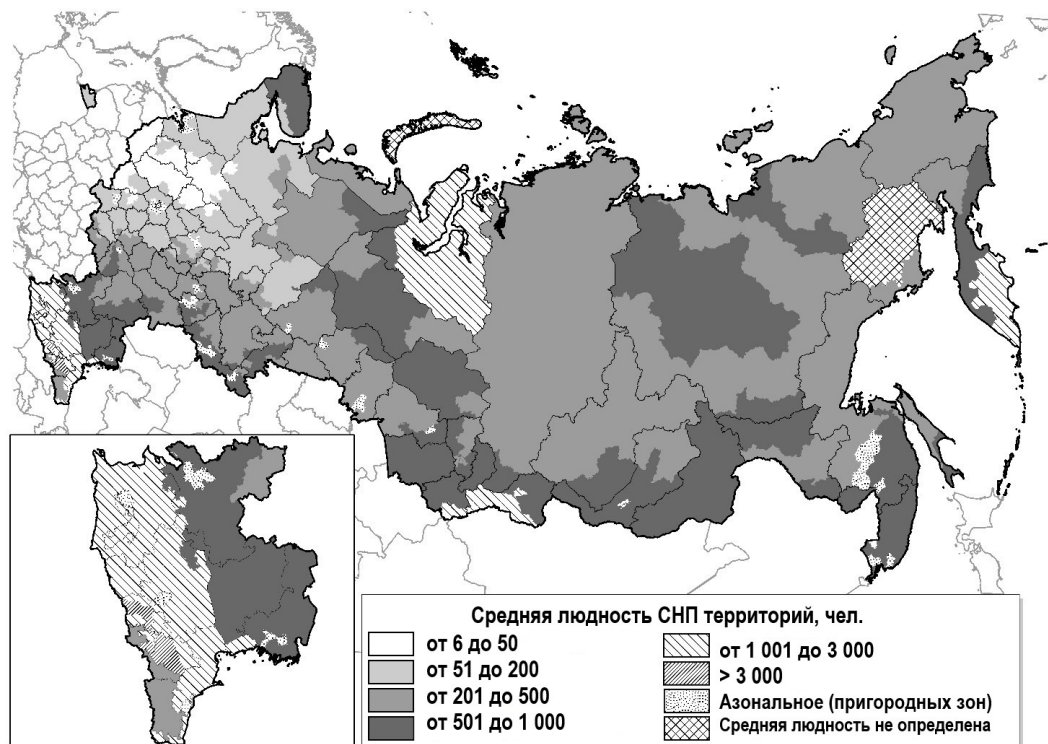

Рис. 1. Характеристика людности СНП в различных типах расселения

менее 1 пункта на 100 км²) была сформирована в начале XX в., когда коренные кочевые жители этих территорий начали формировать населенные пункты, а также с образованием поселков в целях освоения территорий тундры и тайги в ранний советский период. По крупным сибирским рекам отмечается типичный пример ленточного расселения, когда сельские пункты «нанизаны» вдоль течения реки.

V тип – *средне-крупноселенное преимущественно сплошного расселения с областью ленточного (долинного) расселения*. Представлено двумя схожими участками на юге Европейской части России (в степной зоне). Здесь густота пунктов намного меньше, чем в III типе. Западный участок имеет V-образную форму (Воронежская, Ростовская области и Республика Калмыкия), и его правая часть, в отличие от сплошного, имеет форму долинного расселения вдоль обоих берегов Волги, протягиваясь от Волгоградской до Астраханской области. Восточный участок расположен на южных, приграничных с Казахстаном, степных районах Самарской, Оренбургской и Челябинской

областей соответственно. Здесь достаточно неоднородна Оренбургская область, что связано не только с фактором природных условий, влияющим на характер расселения, но и с пространственно-историческими процессами заселения территории области. Запад и северо-запад Оренбуржья представляет собой староосвоенные территории с менее людными поселениями, нежели на востоке. Восточные районы – это территория нового освоения, где немногочисленные сельские населенные пункты с большей людностью в основном были образованы в период освоения целинных земель.

VI тип – *средне-крупноселенное с разреженной сетью СНП крупноареального и гнездового расселения*. Занимает территорию субъектов юга Сибири и Дальнего Востока, южные районы субъектов (IV типа) или характеризует весь субъект (Алтайский край, Республика Хакасия, Забайкальский край, Приморский край), а также районы Республики Якутии в бассейнах р. Лены и р. Яны. Этот тип расселения так же, как и тип IV, характеризуется крайне низкой плотностью населенных пунктов (менее 2 на 100 км²).

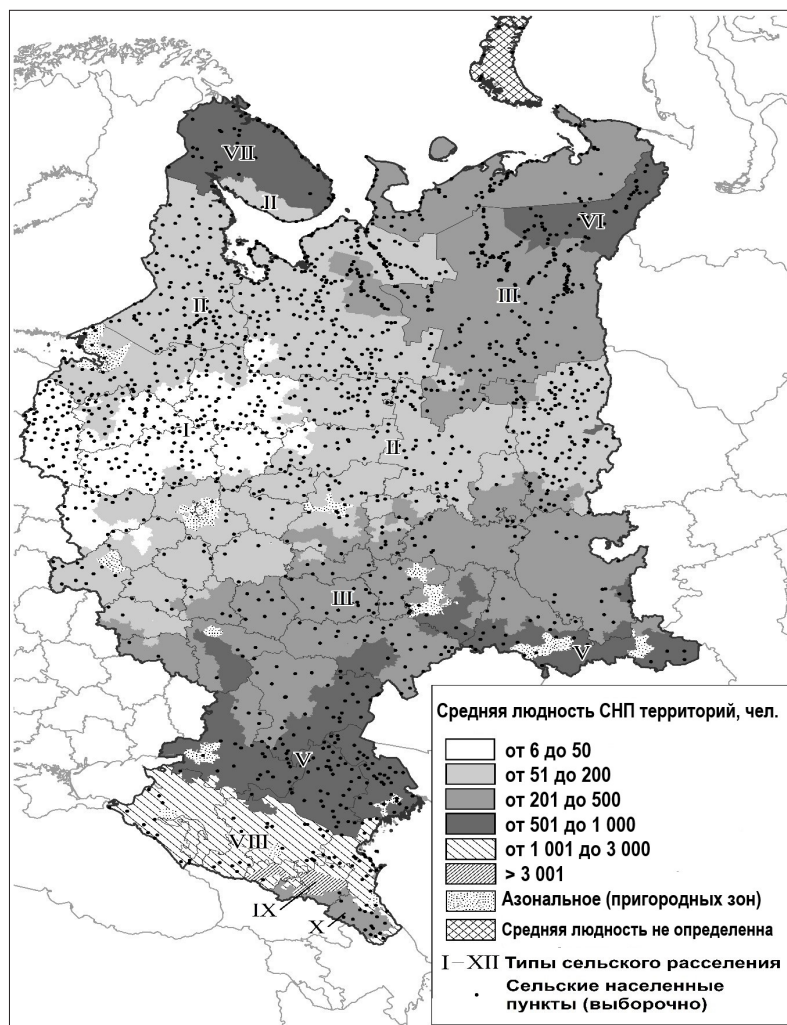

Рис. 2. Типы сельского расселения (Европейская часть России)

Но здесь средняя людность выше, чем в северных частях субъектов, а форма расселения представлена более крупными скоплениями поселений, формируя крупные ареалы.

VII тип – *средне-крупноселенное с разреженной сетью СНП очагового и ленточного расселения*. Этот тип характерен для Кольского полуострова (за исключением территории побережья Кандалакшского залива) и северной части полуострова Камчатка. Населенные пункты концентрируются вдоль морского побережья и крупных рек.

VIII тип – *крупноселенное со сплошным на равнинной части и ареальным и очаговым расселением в предгорной и горной части*. Представлено Кавказским макрорегионом, находящимся на стыке трех природных областей: равниной, предгорной и горной, что

и повлияло на формирование формы расселения в историческом прошлом. Северный Кавказ всегда характеризовался преобладанием сельского населения над городским. Так и на данный момент ряд субъектов имеют преобладающую численность именно сельского населения (в частности, Республики Калмыкия – 56%, Дагестан – 55%, Ингушетия – 62%; Карачаево-Черкесская Республика – 57%, Чеченская Республика – 65%) или с небольшим преобладанием городского. К этому типу также относятся и горные районы Республики Тыва и Республики Алтай. Эти регионы с момента 1970-х гг. сохраняли свою крупноселенность и очаговый рисунок расселения, заключающийся в концентрации поселений в нижних частях горных долин. К тому же людность дифференцируются в этом типе

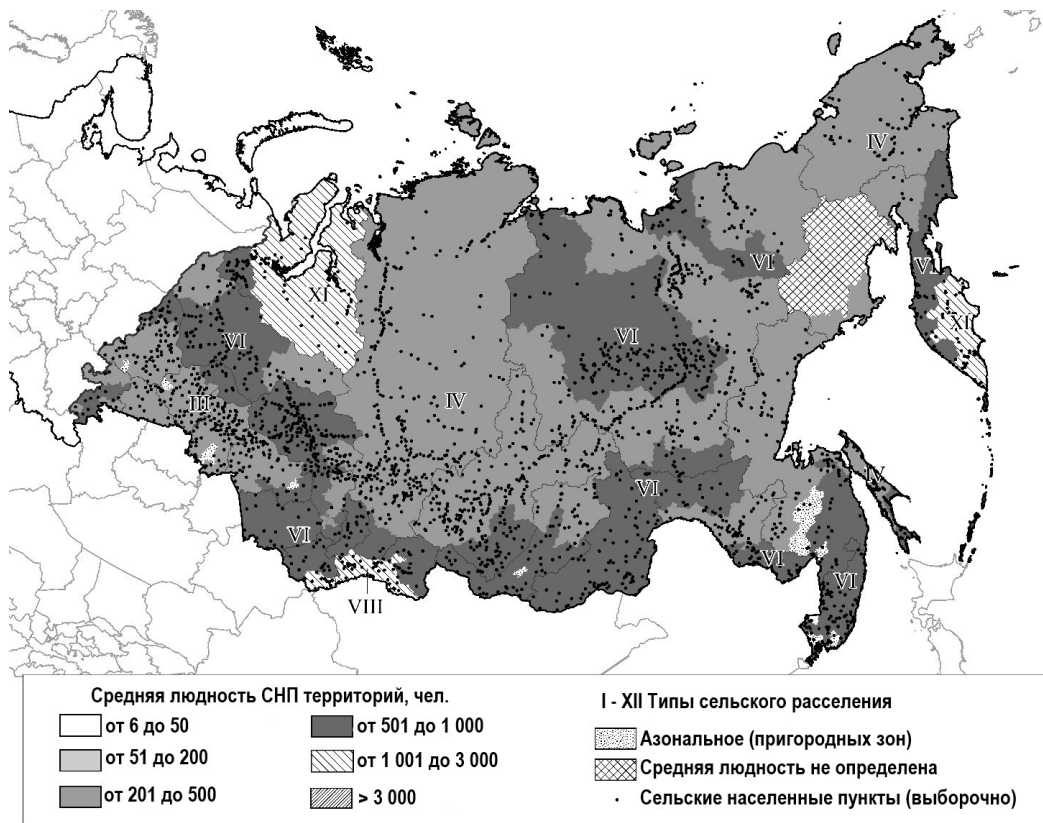

Рис. 3. Типы сельского расселения (Азиатская часть России)

и по вертикали, то есть по высоте расположения в горной части. Исторически сложилось, что наиболее крупные села располагались у подножий гор, а высокогорные селения отличались меньшей людностью. Северная и западная равнинная часть Кавказа представлена сплошной формой расселения.

IX тип – крупнейшее селенное очагового и ареального расселения. Это тип с самыми крупными сельским пунктами в России (к примеру, население села Курчалой – 25 тыс. чел., Ачхой-Мартан – 23 тыс. чел., станция Нестеровская – 23 тыс. чел., село Дыгулыбгей – 20 тыс. чел.). Занимает на Кавказе предгорные районы Чеченской Республики, Республики Ингушетия, Республики Северная Осетия – Алания и горные районы Кабардино-Балкарской Республики.

X тип – среднеселенное очагового (долинно-котловинного) расселения. Расселение горной части Кавказа по долинам и террасам, которое меньше по численности, чем VIII и IX тип соответственно – это горный юг Республики Дагестан, Чеченской Республики и Республики Северная Осетия – Алания.

В целом для современного сельского российского Предкавказья по высотным поясам будут выделяться свои характеристики людности поселений.

В границах высотного пояса до 200 м республик Северного Кавказа, где преобладали средние поселения, доля которых постепенно снижалась, происходит укрупнение сети.

Сеть поселений высотного пояса от 200 до 500 м представлена средними и крупными поселениями; доля малых населенных пунктов низка и составляет 6% в 2010 г.

В границах высотного пояса с высотами от 500 до 1000 м сосредоточены в основном средние по людности поселения, но просматриваются региональные различия: в Республике Адыгея, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии характерен процесс поляризации, т.е. рост доли малых и крупных поселений. В Кабардино-Балкарской Республике поселенческая сеть этого высотного пояса крупнее соседних республик.

На высотах от 1000 до 1500 м в республиках преимущественно средние по численности населенные пункты при росте относи-

тельной доли малых и крупных поселений. В Северной Осетии растет доля малых поселений (сейчас около 92%). В Дагестане намечается тенденция роста средней людности поселений этого высотного пояса.

Сеть поселений на высотах 1500–2000 м. представлена преимущественно средними по диапазону численности жителей поселениями.

XI тип – *крупноселенное с крайне разреженной сетью СНП очагового и ленточного расселения*. Этот тип представлен северной частью ЯНАО (полуострова Гыданский и Ямал) и восточной частью Камчатки. Большинство сел и поселков в этой части ЯНАО было образовано в местах стоянок местных кочевых народов или на участках добычи углеводородов в 1960–1970-х гг. или факторий в начале XX в. соответственно. В этом типе менее 1 СНП на 100 км², и концентрируются они вдоль рек и побережья.

XII тип – *азональное, ареально-урбанизованное пригородных зон*. Он характеризуется более высокой людностью и плотностью СНП, нежели зональный тип этой территории, и этот факт послужил критерием для выделения. Как правило здесь присутствует развитая транспортная инфраструктура, связанная с городом, жители пригородных сельских районов в большинстве своем имеют трудовую занятость в городе [4] и пользуются его социальной инфраструктурой. Эти районы, в отличие от периферийных, наименее теряли своих жителей в последние десятилетия, и в дальнейшем они будут концентрировать у себя все большую долю сельского населения региона.

Выводы. Полученные с использованием районных, не агрегированных в пределах субъектов, статических данных типы расселения позволяют делать выводы о современной картине сельской местности России.

После тенденций ограничения развития сельской местности и сельского хозяйства, происходивших в 1990-х и 2000-х гг., система расселения внегородского пространства становится все больше географически дифференцированной. Нечерноземье представлено наиболее депрессивными сельскими территориями, которые испытывали депопуляцию с советских времен и в настоящий момент имеют практически полностью разрушенную сеть малых и средних СНП. Различия

внутри регионов здесь сильнее, чем между регионами, и связаны с размером и степенью нарастанием центрально-периферийных градиентов в плотности населения. В этих субъектах влияние на сельскую местность оказывает позиционный фактор – близость к большим городам, и этот фактор становится сильнее природных. Приведенные в работе данные по депопуляции сельского населения и тенденции трансформации структуры населенных пунктов Нечерноземья привели к расширению современных границ преобладания мельчайших и мелких сельских поселений, их распространение на формы расселения, для которых они не были характерны ранее. Для Европейской части России этот тип расселения стал преобладающим с перспективой охвата все большей территории.

Большинство регионов Юга европейской части России характеризуются более устойчивым сельским расселением в течение времени в силу сохранения определяющей роли сельского хозяйства в развитии сельской местности. Поэтому здесь отмечается сохранение природных и ландшафтных факторов в определении черт расселения.

В Азиатской части России картина сельского расселения представлена сильной степенью разреженности на неосвоенной территории и относительной концентрацией населения в южных приграничных районах с большей людностью соответственно. В постсоветский этап миграционного «западного дрейфа» демографические контрасты пришли в соответствие с природными. Принцип близости к крупному городу приобрел такое же ключевое значение, как и в Нечерноземье.

Административные границы субъектов не всегда совпадают с границами типов расселения, особенно в крупных регионах. Для Европейской части России наиболее четко прослеживается градиент Север – Юг, заключающийся в увеличении людности сельских пунктов в южном направлении. При этом плотность расположения населенных пунктов на территории падает при движении в этом же направлении. Крупноселенные типы расселения характерны для равнинного Европейского юга, предгорного и местами горного Кавказа, Республик Тыва, Алтай, а также для северной части ЯНАО и восточной части полуострова Камчатки.

Этнокультурные аспекты во многом позволяют сохранить рисунок исторического

расселения, в первую очередь для горных территорий Кавказа, Республик Алтай и Тыва, а также низменностей Вилюйского бассейна и Лено-Амгинского междуречья Якутии.

Выделенные типы показали незначительные различия в сравнении с работами С.А. Ковалева по формам расселения. Но одним из главных выводов, полученным благодаря этому исследованию, можно считать уста-

новленный процесс усиления нарастания мелкоселенности и поляризации сельского расселения, вымывания среднего звена из структуры сельских населенных пунктов. Именно дальнейшее направление изменений демографических процессов в сельской местности и, как следствие, в структуре СНП по категориям людности и будет определять характер и направленность изменения системы расселения.

Библиографический список

1. Аверкиева К.В. Рынки труда и роль отходничества в занятости сельских жителей Российского Нечерноземья // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 1. С. 25–37.
2. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.
3. Алексеев А.И., Сафронов С.Г. Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI века // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2015. № 2. С. 66–76.
4. Антонов Е.В. Трудовая мобильность населения России по данным всероссийской переписи 2010 года // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2016. № 2. С. 54–63.
5. Ахмедова Ж.А. Особенности сельского расселения в горно-предгорном Дагестане // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 4 (38). С. 310–314.
6. Бадов А.Д. Население Северной Осетии между переписями 2002–2010 гг.: изменения в горах и на равнине // Грозненский естественнонаучный бюллетень. 2017. № 3 (7). С. 12–16.
7. Валяев И.А., Вознесенская А.Г. Пространственный анализ поляризации системы сельских населенных пунктов Нечерноземной зоны России // Региональные исследования. 2016. № 1. С. 88–95.
8. Гаврильева Т. Н., Коломак Е. А. Анализ изменений в системе расселения Якутии // Регион: экономика и социология. 2017. № 2 (94). С. 174–190.
9. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / под ред. Т.Г. Нефедовой, П.М. Поляна, А.И. Трейвиша. М.: ОГИ, 2001. 558 с.
10. Грачева Р.Г., Нефедова Т.Г. Горные поселения Северной Осетии: современное состояние и перспективы развития // Известия РАН. Сер. геогр. 2007. № 5. С. 28–36.
11. Дементьев В.С., Клейменов С.П. Изменения в сельском расселении на территории Псковской области в начале XXI века // Псковский регионологический журнал. 2018. № 2. С. 40–55.
12. Зубаревич Н.В. Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия РАН. Сер. геогр. 2013. № 3. С. 26–38.
13. Казьмин М.А., Чернышева Е.А. Современная динамика сельского расселения европейской России // Региональные исследования. 2006. № 4. С. 65–77.
14. Ковалев С.А. Региональные различия в перспективном развитии сельского расселения / Матлы Рабочей комиссии по координации исследований тенденций изменения демографической структуры и социального развития сельского населения до 1990–2000 гг. М.: МГУ, 1974. 101с.
15. Ковалев С.А. Сельское расселение (географическое исследование) М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 371 с.
16. Ковалев С.А., Алексеев А.И., Копаев В.И. Районирование сельской местности РСФСР по комплексу условий для территориальной организации сферы обслуживания населения // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М., 2013. С. 474–482.
17. Манаков А.Г., Дементьев В.С. Динамика сельского расселения Псковской области в 1959–2010 гг. // Региональные исследования. 2017. № 1. С. 55–63.
18. Национальный атлас России. Т. 3. Население. Экономика. М., 2008. 496 с.
19. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: ЛЕНАНД, 2013. 452 с.
20. Пономарева Г.А. Особенности сельского расселения Якутии с 30-х годов XX в. до настоящего времени // Вопросы региональной экономики: сб. науч. тр. Вып. 4. Якутск: ЯФ СО РАН, 2004. С. 124–133.
21. Пономарева Г.А., Бубякин В.И. Типология сельских поселений Республики Саха (Якутия) по величине числа жителей (людности) // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 31 (334). С. 56–62.
22. Пономарева Г.А., Охлопков М.Н. Проблемы пространственного и социально-экономического развития улусов арктической зоны Республики Саха (Якутия) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. Т. 9. № 47 (236). С. 20–25.
23. Самсонов Т.Е., Кривошеина А.М. Автоматизация отбора населенных пунктов с учетом пространственной неравномерности их распределения для целей мелкомасштабного картографирования // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 2015. № 1. С. 74–82.
24. Семёнов Е.А., Ахметов Р.Ш. Пространственно-временная трансформация сельского расселения в Оренбургской области // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 7 (182). С. 182–187.

25. Ткаченко А.А. Ключевые понятия теории расселения: попытка переосмысления / Вестник Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2018. № 2. С. 10–15.
 26. Турун П.П. Зональные типы сельского расселения (на примере Ставропольского Края) // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 6-2. С. 216–223.
 27. Турун П.П., Чернова И.В. Влияние высотной поясности на трансформацию сельской поселенческой сети Республики Северная Осетия – Алания в 1959–2010 гг. // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 2 (41). С. 28–33.
 28. Уставщикова С.В. Основные черты трансформации сельского расселения Саратовской области в 1959–2015 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2016. Т. 16. № 2. С. 86–92.
 29. Федорова Е.Н. Потенциал расселения населения Центральной Якутии // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 15. С. 4–8.
 30. Федорова Е.Н., Пономарева Г.А. Восточная Якутия: демографические процессы в постсоветский период // Арктика и Север. 2014. № 17. С. 78–90.
 31. Федорова Е.Н., Пономарева Г.А. Современное состояние расселения населения Южной Якутии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. Т. 8. № 16 (157). С. 29–36.
 32. Фомкина А.А. Трансформация местных систем расселения слабоурбанизированных территорий Центральной России (на примере Тверской области). Дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2016. 149 с.
 33. Фомкина А.А. Трансформация сельских систем расселения в староосвоенном Нечерноземье с конца XIX до начала XXI в. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2017. № 5. С. 68–75.
 34. Хаиров Р.А. Трансформация системы сельского расселения Новгородской области со второй половины XX века по начало XXI века // Псковский регионологический журнал. 2018. № 2. С. 56–58.
 35. Чернова И.В. Пространственно-временная трансформация сельского расселения в республиках Северного Кавказа в 1959–2010 гг. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. Ставрополь, 2016. 22 с.
 36. Чибилев А.А., Семенов Е.А., Григорьевский Д.В. Проблемы и специфика сельского расселения в Оренбургской области // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: География. Геоэкология. 2016. № 1. С. 34–38.
 37. Чугунова Н.В. Трансформации в системах расселения Белгородской Области: новые тренды в современных геоэкономических условиях // Многовекторность в развитии регионов России: ресурсы, стратегии и новые тренды / отв. ред. В.Н. Стрелецкий. М., 2017. С. 215–227.
 38. Эльдаров Э.М. Дагестан: факторы развития сельской системы расселения в постсоветский период // Кавказ и глобализация. 2008. Т. 2. № 1. С. 105–115.
-